

В гостях у Неру и Де Голля

После весьма удачной поездки в США отец продолжил «наступление» на дипломатическом фронте, назначил дату, ранее несколько раз откладывавшейся поездки в Индию, Бирму, Индонезию и Афганистан и принял ожидаемое и желанное приглашение Шарля де Голля посетить Францию с официальным визитом.

Накануне отъезда, 6 января 1960 года, отец принял индийского поэта, философа и киносценариста Ходжу Ахмада Аббаса и поэта Али Сардара Джрафри. В Советском Союзе Аббас прославился своим чисто индийским по духу фильмом «Бродяга» и менее удачным полуроссийским «Хождением за три моря» об Афанасии Никитине. Говорили о мире и мирном сосуществовании, о капитализме и социализме, о власти денег и роли семьи. В этой связи отец упомянул повесть украинской писательницы Кобылянской о том, как за землю брат на брата пошел, и беседа перешла на литературу. Поговорили о Льве Толстом, Горьком, отец сказал, что ему по душе Чехов, а из современников он отдает предпочтение Шолохову.

Сардар поинтересовался, а кому из поэтов отдает предпочтение господин Хрущев.

– Лучше Некрасова никто не отразил дум крестьянина, – отозвался отец и добавил: – Пушкин – признан всеми. Из старых поэтов мне нравятся Кольцов с Никитиным, – отец продолжал перебирать знакомые имена. – Из современников – Твардовский. Маяковского слушаю с удовольствием, но читать его стихи не умею. Люблю украинскую лирику Владимира Сосюры, Максима Рыльского, Павла Тычины, Андрея Малышко. Всех сразу не упомнишь.

В заключение пофилософствовали о том, что же такое счастье, как оно понимается в Советском Союзе и Индии. Отец сказал, что у каждого человека оно свое и каждый народ сам решает, как ему жить. Впоследствии гости написали книгу о своей поездке по Советскому Союзу и о встрече с отцом.⁵⁹

11 февраля 1960 года отец во главе многочисленной делегации на турбовинтовом лайнере Ил-18 отправился в Индию. С премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру у отца установились очень теплые, я бы сказал дружеские отношения. СССР помогал Индии отстраивать постколониальную экономику, в том числе сооружал в Бхилаи металлургический комбинат. Сейчас подошла пора сдачи его первой очереди. Отцу с Неру предстояло разлить первый ковш стали.

Помимо официальных лиц отец взял с собой в поездку Раду, обеих Юль, старшую и младшую, и меня. Я чувствовал себя на седьмом небе, сказочная Индия влекла меня даже больше Америки. Из холодной февральской Москвы мы прилетели воистину в рай. По одной из гипотез, библейский рай находился приблизительно на той же широте, что и Дели, но не в Индии, а на территории современного Ирана.

Ограничусь сугубо личными впечатлениями. По выходе из самолета на шеи нам надели венки, сплетенные из резко пахнущих и пачкающих костюмы липким соком и желтой пыльцой цветов. Мне Индия запомнилась не металлургическим комбинатом, а экзотическими пальмами, заклинателями змей и всякой прочей экзотикой. По улицам бродили коровы, на обочинах попрошайничали мартышки и нищие. В раю нищие не предполагались, но кто обратит внимание на такие детали?

Поразила меня и экзотика Британо-Индийского протокола. В Дели нас разместили в самом престижном Президентском дворце, бывшей резиденции английского вице-короля. Вокруг благоухал неведомыми «райскими» цветами обширный парк в английском стиле, с перепархивающими с пальмы на пальму «райскими» птицами.

Мне отвели огромную спальню с кроватью под деревянным резным балдахином, занавешенную противомоскитной сеткой. С потолка свисал огромный вентилятор. Спал я крепко, а ни свет ни заря, часов в шесть утра, меня разбудил стук в дверь. Я что-то невнятное прокричал в ответ. Дверь отворилась, и в комнату восхествовал двухметровый смуглокожий служитель в ливрее, расшитой золотыми позументами и с огромным подносом в руках. Ни слова не говоря, он припечатал меня к кровати столиком на низеньких ножках и установил на него поднос с незнакомой едой: парой бананов, тоже экзотика по московским меркам того времени, тостами с вареньем и огромной чашкой очень горячего кофе. Затем он раздвинул занавески на окнах и осведомился, по-английски конечно, нет ли у гостя каких-либо пожеланий. В тот момент больше всего мне хотелось в туалет. Но как построить столь сложную фразу, я не знал, да и постеснялся обсуждать столь интимную тему. Словами и жестами я обозначил отсутствие каких-либо просьб, и служитель величественно удалился, бесшумно прикрыв за собой дверь, а я остался один на один с завтраком. Из-под столика выбраться мне не удалось, снимать его с себя я не решился, не знал, куда его девать, да и стеснялся, вдруг тот великан в ливрее вновь появится на пороге... Но раз уж тут так полагается, решил завтракать. Банан, оказался зеленым и невкусным, а огненно-горячий кофе обжигал рот и никак не глотался. Мне же безумно хотелось в туалет и почему-токазалось, что как только я разделаюсь с кофе, дорога в ванную комнату откроется. Попутно в голову лезли мысли о том, что нормальные люди сначала умываются, не говоря уже обо всем остальном, а уже потом садятся за стол, а здесь... Наконец я кое-как проглотил кофе, а столик по-прежнему прижимал меня к кровати и выбраться из-под него я не решался. Вдруг появится раззолоченный служитель, а я предстану перед ним в синих семейных трусах! Я решил еще немного потер-

⁵⁹ Abbas Khwaja Ahmad. Face to Face with Khrushchev. Delhi, India, Rajpal and Sona. 1960.

петь, но желание росло и становилось нестерпимым. Наконец, когда мне уже стало почти все равно, снова раздался легкий стук в дверь, вновь появился служитель, неторопливо снял с меня столик и вновь осведомился о моих пожеланиях. Мне же хотелось одного, чтобы он немедленно исчез. Я замычал, замотал головой, демонстрируя полное отсутствие каких-либо пожеланий. Наконец он закрыл за собой дверь, я спрыгнул с кровати – и через минуту наступило блаженство.

Мы провели во дворце еще две ночи, а значит, и два утра. Теперь я спал плохо. Мне очень хотелось успеть до завтрака в постели умыться и все прочее, но когда явится человек в ливрее, я себе не представлял. Но... утром раздавался стук в дверь, и все повторялось по уже знакомому кошмарному сценарию.

С тех пор прошло много лет. Из кино и книг я узнал, что подаваемый в постель завтрак – признак комфорта. Джентльмены в такой ситуации наверняка получают удовольствие. Но я, видимо, не джентльмен.

Еще запомнился устроенный индийским правительством официальный обед. Гостей рассадили, как полагается, в разбивку с индусами. Напротив меня оказался посол Индии в Москве Кришна Менон,⁶⁰ у него по левую руку – моя сестра Рада, а по правую – госпожа Таирова, Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана.

Все шло на таких приемах, как заведено, вкусное блюдо сменялось еще более вкусным. Только наперчили их не по-нашему, да и тарелки казались не очень промытыми. Гости и хозяева усердно работали вилками, один Менон сидел неподвижно.

В перерыве между очередными блюдами Рада спросила у посла по-английски, почему он не притрагивается к еде?

– Госпожа Таирова съела все мои овощи, – обреченно ответил Менон.

Он оказался вегетарианцем и перед ним, вернее между ним и Таировой, ставили специальную тарелку с зеленью. Таирова, посчитав, что это гарнир к мясу, тут же пододвигала «салат» к себе и быстро с ним расправлялась. Так остался бы посол Менон без обеда, если бы Рада не разъяснила Таировой что к чему.

Застольная экзотика на этом не закончилась. После парадного обеда к моей сестре подошел Алеша, молодой человек, следивший за вещами и питанием отца, и, сделав огромные глаза, стал убеждать ее больше ничего тут не есть.

– Я зашел на кухню, – говорил Алеша, – вы бы видели, как они готовят! А в чем они моют тарелки! Лично я перехожу на консервы.

Алеша действительно все оставшееся время питался исключительно прихваченной из Москвы тушеникой. Алеша настойчиво уговаривал и отца не рисковать, поберечь здоровье, предлагал проследить, чтобы Никите Сергеевичу подавали блюда, приготовленные только из «проверенных» продуктов. Отец, в ответ посмеиваясь, отвечал, он себе такого позволить не может.

– Профессия главы государства сопряжена с риском, – шутил отец, – есть приходится, что дают, иначе хозяева обидятся. Да и подстрелить могут. Тут уж ничего не поделаешь, и лучше обо всех этих глупостях не думать, положиться на судьбу.

Позже, в Индонезии, президент Сукарно, заметив, что отец с опаской пережевывает переперченную, обжигающую рот курятину, посоветовал не пренебрегать местной кухней.

– Перец убивает микробов, дезинфицирует, – пояснил Сукарно. – Во время войны японцы кормили пленных американцев на выбор: местной пищей или более им привычной, европейской. Те, кто выбрал местную провизию, почти все остались живы, остальные умерли от кишечных болезней.

⁶⁰ Недавно я вычитал в биографическом справочнике, что настоящее имя посла Кумар Падма Шивасанкар Менон. Кришна Венчалил Кришнан Менон в те годы министр обороны Индии. Где истоки путаницы в именах, не знаю.

Отец засмеялся и сказал, что ко всему привычен. Индонезийские блюда он ел с удовольствием. Мне тоже цыплята в перечном соусе показались исключительно вкусными. Президент Сукарно оказался прав: у всех, кто не пренебрегал местными блюдами, живот не болел.

Конечно, отец обсуждал с Сукарно не только кухню. Президент Индонезии, наряду с Неру, возглавлял Движение неприсоединения, третий мир, как говорят теперь, и хорошие отношения с ним сулили нашей стране большие политические дивиденды. Скажу одно: отец своего добился – и Индия, и Индонезия, и Афганистан стали нашими добрыми друзьями.

И еще один штрих. На первый взгляд кажется, что государственные деятели при встречах обмениваются глубокомысленными заявлениями да зачитывают по бумажке политические декларации. Это верно, но только если глава государства немощен и не владеет материалом. Таких «переговорщиков» любят помощники и речеписцы, тут они сами пытаются творить политику, а глава лишь озвучивает их заготовки. Просто театр марионеток какой-то!

Для самостоятельного, досконально разбирающегося в проблеме политика переговоры – словесный турнир со всеми неожиданностями, выпадами и контрвыпадами. А потому и разговор строится с подходцем. Собеседники поначалу могут говорить о погоде, об архитектуре и искусстве, о спорте – на любую тему, позволяющую установить контакт. А главную тему вроде и не обозначают, но в подходящий момент ее коснутся, как бы невзначай, – и снова возврат к ничего не значащему разговору.

На моей памяти немало таких политиков. И отец, и Джон Кеннеди, и британские премьер-министры Энтони Иден и Гарольд Макмиллан, и Шарль де Голль, и Джавахарлал Неру, и Сукарно сами творили свою политику, сами задавали тон, самостоятельно вели тему, быстро ориентировались в меняющейся обстановке. Правительственная бюрократия таких руководителей не жалует, их называют волонтистами, ворчат, что в переговорах все напутано, нарушен заранее подготовленный сценарий и даже, если удается добиться большего, чем ожидалось, то все равно «не так, как следовало».

К переговорщикам «по бумажке» можно отнести не только немощных Леонида Брежнева и Бориса Ельцина, но вполне крепких Дуайта Эйзенхауэра и Владимира Путина. Тут дело не в форме, а в содержании.

При «живом» общении исключительно важна точность перевода. Одно дело от сих до сих прочитать заранее выверенный перевод домашней заготовки и совсем другое – не упустить в разговоре постоянно ускользающие, но очень важные нюансы, быстро подобрать в чужом языке точное соответствие неожиданно произнесенной фразы. Любая ошибка, даже просто заминка, может сорвать всю игру. Такие переводчики-дипломаты, как Олег Трояновский или Виктор Суходрев, ценятся на вес золота. Им всегда удавалось дать точный по смыслу перевод красочного, сдобренного идиомами языка отца. Приведу позаимствованную у Виктора Суходрева рассуждение о коллизиях, связанных с переводом живой речи.

Во время визита в США отец, естественно, расхваливал преимущества советского строя, но, не желая обидеть хозяев, в одном из выступлений добавил «пусть время нас рассудит, и не будем обижаться, всяк кулик свое болото хвалит».

Суходрев растерялся. «Я, конечно, знал, что существует такая птица, но никогда ее не видел и, как она называется по-английски, не знал, – вспоминает Виктор Михайлович, – но надо выходить из положения, и я перевел: “Всякая утка свое озеро хвалит”. Присутствовавший там переводчик американской телекомпании знал, что такое кулик и перевел правильно. Зрители услышали с экрана сразу два перевода. В утренней газете появилась третья версия: «Каждая змея свою трясину хвалит».

Кулик, утка или змея в данном контексте нет разницы, а если бы речь шла не о болоте? Казалось бы, незаметная смена акцентов меняет весь смысл. Тут уместно припомнить и кузькину мать. Отец любил ее поминать, когда к месту, а порой из «хулиганства», чтобы

посмотреть, как справляется переводчик. Иностранные переводчики в лоб: «Мать Кузьмы», наши – в соответствии со словарем, как грубую угрозу. Суходрев, исходя из общения с отцом, сделал вывод, что у него «показать кузькину мать» – означает продемонстрировать лихость, силу. Он поделился своей догадкой с Хрущевым.

– Очень просто, – согласился с ним отец, – это значит показать то, что они еще никогда не видели.

А вот какой курьезный случай произошел в Индонезии. Переводчиков с индонезийского у нас тогда было раз-два и обчелся, не говоря уже о профессиональных дипломатах-переводчиках. Отцу подыскали лучшего, в совершенстве владевшего языком симпатичного молодого человека, но не обкатанного на двусторонних переговорах один на один. Скажу сразу, что справился он со своей миссией успешно, но не без накладок.

Президент Сукарно в знак особого уважения сопровождал отца в течение всей десятидневной поездки по стране. Переговоры и разговоры они вели постоянно: в самолете, в машине, на прогулках, перескакивали с темы на тему, с буддистских ритуалов на проблемы мировой политики, с техники народных рисовальщиков на ядерное сдерживание. В самом начале поездки Сукарно с отцом как-то утром сидели на террасе загородной президентской резиденции в Богоре на острове Ява. Президент расспрашивал о московской зиме, морозах, снеге и иной экзотике.

Переводчик по неопытности постеснялся беспокоить Хрущева такими мелочами и начал отвечать сам. Сукарно спрашивал еще и еще, переводчик вновь «не беспокоил» отца. Между Сукарно и переводчиком завязался оживленный светский разговор. Отец сидел рядом, недоуменно вслушиваясь в звуки незнакомой речи. Так продолжалось несколько минут. Наконец он не выдержал и в паузе язвительно спросил переводчика: «Кто, собственно, здесь ведет переговоры? Вы или я?»

– Но, Никита Сергеевич, он же о погоде... – пролепетал переводчик.

– О погоде, не о погоде, ваше дело переводить дословно, – выговорил ему отец.

Разговор вошел в нормальное русло. Больше подобных казусов не возникало.

Завершилось азиатское турне трехдневным, со 2 по 5 марта, посещением Кабула. После буйства зелени тропиков Афганистан показался мне серым, погода промозглой. Там только начиналась весна, на деревьях едва набухли почки. Отец осмотрел построенные с нашей помощью и за наш счет хлебозавод, госпиталь, домостроительный комбинат; долго беседовал с королем Мухаммедом Захир Шахом и его дядей – премьер-министром Сардаром Мухаммедом Даур-Ханом.⁶¹

Я скучал. Запомнился только разговор на одном из приемов в королевском дворце. Речь зашла о патриотизме, и один из высокопоставленных афганцев похвастался, что по инициативе короля, чтобы поддержать экономику, чиновники поголовно отказываются от жалования.

– На что же они живут? – удивленно воскликнул один из наших.

– На взятки, естественно, – благодушно пояснил афганец, – на жизнь с лихвой хватает, а еще и государство обирать – непатриотично.

Вот такой патриотизм.

5 марта отец вернулся в Москву, а через десять дней ему предстояла очень ответственная поездка во Францию. Меня тоже включили в делегацию. Однако не все получается, как задумано. Вернувшись из тропиков в промозгло-морозную Москву, отец подхватил простуду. Намеченный на 15 марта вылет в Париж пришлось отложить. Мировая пресса, фран-

⁶¹ МИД называл его «дядей короля», в справочниках он значится как генерал-лейтенант Сардар (принц) Мухаммед Даур-Хан.

цузские политики забеспокоились, что у отца за болезнь? «Дипломатическая» или просто грипп? Оказалось, просто грипп. 23 марта выздоровевший отец прибыл в аэропорт Орли.

Случайно я узнал, что в Париже проживает знаменитый на всю Францию коллекционер бабочек и вообще насекомых Ле Мульт. С первого дня я только и думал, как мне взглянуть на его сокровища. Закрытых зон в Париже не существовало, но график визита оказался плотным, по несколько мероприятий на день. Естественно, отцу отводилась главная роль, я же, стоя в задних рядах свиты, раз за разом выслушивал похожие друг на друга речи – в ратуше, в Доме инвалидов, в мемориальной квартире, где когда-то жил Ленин, на могиле неизвестного солдата... Наконец мне удалось улизнуть.

Ле Мульт жил в многоэтажном доме, почти под крышей, квартира его, как и у всякого коллекционера, оказалась заставленной, заваленной ящиками и коробками с бабочками, жуками, клопами и другими насекомыми. Седой благообразный хозяин принял меня радушно, показал множество тропических диковин. Он их начал собирать совсем молодым в Южной Америке, где во Французской Гвиане служил надзирателем в тюрьме. По возвращении во Францию Ле Мульт открыл дело, агенты снабжали его редкими экземплярами со всего мира. В числе его покупателей – самые знаменитые европейские коллекционеры. Годовой оборот достигал миллиона единиц насекомых, во франках сумма исчислялась десятками миллионов. Я надеялся, что он, как мистер Глантц из Бруклина, подарит мне что-нибудь интересное. Но не дождался. Хозяин ограничился стеклянным прессом для бумаг со встроенной в него небольшой зеленой бабочкой уранией с Мадагаскара и своей книгой. Тоже немало. Ле Мульт поинтересовался, не захотят ли издать его книгу в Москве. Я обещал узнать.

Мое отсутствие на официальном мероприятии заметили, и какой-то журналист в отчете написал, что отсутствие сына Хрущева в рядах «сопровождающих лиц» объясняется политическими расхождениями с отцом. На следующее утро отец мне выговорил, сказал, что раз уж он взял меня с собой, то вести себя следует соответственно протоколу, стоять, где поставили, а не бегать по Парижу за «бабочками». Накануне я ему рассказал о своем визите к Ле Мульту. Больше я из рядов делегации не дезертировал, «стоял, где поставили».

О книге Ле Мульта вспомнил только в Москве, наткнулся на нее, разбирая французские сувениры. Сам я тогда книг не писал, и процесс их издания представлял туманно. Но раз обещал, то... Помощник отца Владимир Лебедев, занимавшийся культурой, в ответ на мой вопрос, как связаться с каким-либо издательством, пообещал посодействовать. Забрал книгу и, как выяснилось потом, отдал ее в «Детгиз». Полученная от помощника Хрущева книга уже сама по себе событие, требующее внимания, а тут еще на заглавном листе дарственная надпись адресованная «Монсеньору Хрущеву», без имени. В издательстве, естественно, посчитали, что это подарок отцу, о моем существовании они и не подозревали.

Спустя пару лет работавшая в издательстве жена сына Микояна Эля рассказала мне, какой там поднялся переполох из-за этой книги. Создали специальную бригаду переводчиков, выделили лучшую бумагу и самые современные печатные машины. Через полгода на полках книжных магазинов появилась необычайно красивая, в обложке светло-зеленых тонов «Моя охота за бабочками» Эжена Ле Мульта. Я, естественно, отправил ему экземпляр. В своем ответе он справился о гонораре. Я понятия не имел, что советские издательства иностранцам ничего не платят, и пообещал разузнать. У кого? Естественно, у того же Лебедева. Владимир Семенович поморщился и сказал, что попытается. Не знаю, попытался он или нет, но Ле Мульту ничего не заплатили. Он писал мне письмо за письмом, я, чувствуя себя обязанным, теребил Лебедева. Он обещал, и все начиналось сначала.

Лебедев Ле Мульту так и не помог. Знающие люди потом разъяснили мне, что выплатив гонорар одному автору, мы создали бы прецедент, и тогда пришлось бы платить всем. А

платить мы не хотели и в международном соглашении по охране авторских прав не состояли. Издавали, кого хотели, как хотели и совершенно бесплатно.

Ле Мульт писал мне до самой отставки отца. Я ему что-то отвечал, изворачивался. После 1964 года наша переписка заглохла.

Визитом отец остался доволен. Вернулись он в Москву, когда уже совсем потеплело, 3 апреля.